

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.583:332.122
DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-6-11

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗДЕРЖЕК В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. Л. Алексеев

Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса, Казань, Россия
E-mail: tany_1313@mail.ru

При проведении эконометрических измерений в субъектах Российской Федерации используются методики подсчета лишь низовой («бытовой») коррупции. Проанализированы основные методики расчетов, применяемые для оценки региональной экономической безопасности. При этом сделан акцент на реализации мер антикоррупционного контроля.

В качестве основного вывода обозначены расхождения в порядке применения отдельных индикаторов состояния коррупции и выявления экономических интересов в противодействии ей.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционный контроль, противодействие коррупции, экономическая безопасность, государственное управление, региональное управление, региональная экономика.

Для цитирования: Алексеев С. Л. Методика определения экономических издержек в целях обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 6–11. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-6-11.

METHODOLOGY FOR DETERMINING ECONOMIC COSTS TO ENSURE THE ECONOMIC SECURITY OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

S. L. Alekseev

Tatar Institute of Retraining Personals of Agribusiness, Kazan, Russia
E-mail: tany_1313@mail.ru

Methods for calculating only petty corruption are used when carrying out econometric measurements in the subjects of the Russian Federation. The main calculation methods used to assess regional economic security are analyzed. At the same time, the emphasis is on the implementation of anti-corruption control measures.

The main conclusion reveals discrepancies in the application of certain indicators of the corruption state and economic interests in countering it.

Keywords: corruption, anti-corruption control, anti-corruption, economic security, public administration, regional administration, regional economics.

For citation: Alekseev S. L. Methodology for Determining Economic Costs to Ensure the Economic Security of Subjects of the Russian Federation // Surgut State University Journal. 2021. No. 1. P. 6–11. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-6-11.

ВВЕДЕНИЕ

Заявленную тему актуализируют данные Национального антикоррупционного комитета Российской Федерации, согласно которым в коррупционном обороте задействовано до 30 % средств федерального бюджета.

Это макроэкономический показатель, который принято сравнивать с уровнем коррупции в других экономических системах, сложившихся в пределах современных государственных границ. Особую сложность вызывает категория «коррупционный ущерб»,

поскольку она выделяется в структуре имущественных потерь не только государства, но и других экономических акторов.

Однако исследований, предметом которых являются институциональные особенности предупреждения коррупции с точки зрения сложившихся в экономической науке подходов, явно недостаточно. К ним можно отнести работы М. Ю. Жужома [1], Н. О. Морозовой [2], Ю. Г. Наумова [3], И. В. Нуштаева [4], С. А. Орехова [5].

Цель исследования – анализ сложившихся методик выявления экономического ущерба от коррупционного оборота в пределах региона. В качестве рабочей гипотезы выдвигается аксиологическая зависимость проводимых вычислений от индикаторов, раскрываемых институтами антикоррупционного контроля.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Базовой концепцией вычислений стала методика, разработанная американским экономистом С. Роуз-Аккерман. Она занималась исследованием коррупции в области заключения контрактов для государственных нужд. В этом направлении следует отметить ее наработки в вычислении экономико-коррупционной составляющей. В частности, исследователь отмечала, что наравне с доходностью от коррупции на бюрократическо-управленческом уровне значение имеет также коррупционная прибыльность участников рынка [6].

Применение методов антикоррупционного контроля позволяет оценить не только сложившиеся, но и перспективные индикаторы влияния региональной коррупции на состояние экономики. Используемые в науке методики вычислений таких показателей стали проникать в современную управленческую практику субъектов Российской Федерации. Более того, наиболее перспективные из них были адаптированы под условия, влияющие на эффективность государственных мер по предупреждению коррупции, в том числе в плоскости антикоррупционного контроля.

Коррупционная прибыльность экономических акторов определяется путем вычитания из совокупного множественного показателя, включающего размер взятки и стоимость единицы продукта (работы, услуги), следующих элементов:

- издержек производства определенного количества товаров (работ, услуг);

- среднего штрафа, накладываемого на поставщика в случае выявления коррупционного факта;

- моральных издержек предпринимателя, связанных с дачей взятки.

Поэтому в теневом секторе могут существовать предпринимательские структуры, основной целью которых является участие в коррупционных схемах, а не извлечение экономической выгоды. Для них наличие или отсутствие производственных издержек компенсируется высокой коррупционной маржинальностью (или сверхприбылью от систематических коррупционных сделок). Исходя из такого варианта, производители оценивают в качестве себестоимости конечной продукции не только издержки по основной реализационной деятельности, но и иные составляющие, которые влияют на расходы предпринимателя.

В обобщенном виде формула, предложенная С. Роуз-Аккерман, выглядит так:

$$КП = ЦЕП(РВ) - ИП(РВ) - СШК - МИ,$$

где КП – коррупционная прибыль (для экономического актора);

ЦЕП – цена за единицу продукта (работы, услуги);

РВ – размер взятки;

ИП – издержки производства продукции, выполнения работ или оказания услуг;

СШК – средний штраф для экономического актора за выявленный коррупционный факт;

МИ – моральные издержки экономического актора при совершении коррупционной сделки.

Последний элемент связан с репутационными потерями, которые потенциально может понести предприниматель при выявлении коррупционного факта и доведении сведений об этом до общественности [7]. Однако подобный показатель имеет значение в странах с высококонкурентной экономикой и наработанным десятилетиями институтом деловой репутации.

Применительно к российским регионам данный аспект учитывается лишь в минимальной степени.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Деловая репутация, несмотря на ее закрепление в законодательстве Российской Федерации, не получила адекватной оценки ни в экономическом обороте, ни во взаимодействии бизнеса и власти [8]. Сложившийся в субъектах Федерации подход к организации публичных торгов на размещение государственных и муниципальных заказов имеет формальный характер [9].

В частности, при участии того или иного контрагента в конкурсе (аукционе), проводимом для заключения государственного контракта, выдвигаются требования о деловой «чистоте» предпринимателя или организации. Это может выражаться в необходимости предоставить сведения об отсутствии данного лица в реестре недобросовестных поставщиков, который ведется на федеральном уровне совместными усилиями всех субъектов Российской Федерации. Также в расчет принимаются факты наложения санкций за нарушения, допущенные предпринимателем в процессе исполнения прошлых государственных заказов. Значение приобретают гарантии потенциального выполнения будущих контрактных обязательств перед государственным или муниципальным заказчиком.

Формальность перечисленных показателей выражается либо в игнорировании выявленных фактов в торговой практике [10], либо в искусственной замене одного участника другим при наличии между ними экономической аффилированности [11]. В региональном опыте публичных закупок нередки случаи участия в торгах корпоративных субъектов, напрямую или косвенно связанных с тем или иным должностным лицом, обладающим властными полномочиями.

Аналогичным образом в условиях монополизации и олигополизации региональных рынков нивелируются и другие экономические издержки, перечисленные С. Роуз-Аккерман. Тем не менее приблизительная стоимость предлагаемого продукта (работ или услуг) высчитывается участниками коррупционных отношений исходя из рыночных показателей и оценки потенциальной себестоимости производства (необходимых затрат).

При этом прибыль является вовсе не обязательной для самого экономического актора,

который специально создан для получения предпочтений, включая возможности вывода публичных финансов (бюджетных средств). По средним подсчетам специалистов, коррупционная рента у корпоративных субъектов может варьироваться в зависимости от установленного минимума от оборота (от 2 до 35 %), а также составлять подавляющую часть их экономической активности (от 35 до 75 %) [12]. В силу этого в теневом секторе могут существовать предпринимательские структуры, основной целью которых является участие в коррупционных схемах, а не извлечение экономической выгоды. Для них наличие или отсутствие производственных издержек компенсируется высокой коррупционной маржинальностью (или сверхприбылью от систематических коррупционных сделок).

В обобщенном виде формула определения маржинальности бизнеса выглядит следующим образом [13]:

$$M = PV - \frac{PV}{1 + TN} - PI,$$

где M – маржинальность;

PV – выручка от продажи;

TN – торговая наценка;

PI – переменные издержки.

Исходя из такого варианта, производители оценивают в качестве себестоимости конечной продукции не только издержки по основной реализационной деятельности, но и иные составляющие, которые воздействуют на расходы предпринимателя.

Аналогичным образом может быть рассчитана коррупционная маржинальность (KM):

$$KM = KB - \frac{KB}{1 + KN} - PKI,$$

где KB – коррупционная выручка;

KN – коррупционная наценка;

PKI – переменные коррупционные издержки.

Например, в 2019 г. в Республике Татарстан было возбуждено громкое уголовное дело в отношении служащих исполнительного комитета г. Казани, курировавших сферу образования. Маржинальность для главного фигуранта – начальника городского управления образованием – составила 800 тыс. руб. При этом

коррупционная выручка в приведенном случае превысила 5 млн 300 тыс. руб. [14].

В практике большинства субъектов Российской Федерации рассчитываются другие индикаторы коррупционного оборота в аспекте экономической безопасности. Например, наиболее распространенной является формула выявления доли коррупционного рынка (ДКР) в составе валового регионального продукта (ВРП). Она представлена простым делением объема регионального коррупционного рынка (РКР) на показатель ВРП за определенный год [15]:

$$\text{ДКР} = \frac{\text{РКР}}{\text{ВРП}}$$

При этом РКР тоже рассчитывается элементарным умножением показателя средней взятки по региону (КП) на количество совершенных коррупционных сделок (СКС) в определенном субъекте Российской Федерации [16]:

$$\text{РКР} = \text{КП} \times \text{СКС}$$

Например, в Сахалинской области, согласно официальным социоэкономическим измерениям, РКР составил в 2016 г. почти 16 000 000 000 руб. [17]. При этом количество СКС определялось путем выявления среднего количества коррупционных сделок (1,78) на душу населения (в Сахалинской области проживало 489 638 человек). Тем самым ДКР по данному субъекту федерации выразилась в цифре 2 %.

Вместе с тем применительно к проиллюстрированным расчетам за основу был взят показатель средней взятки размером в 18 273 руб. Как удалось установить ранее, он не соответствует реальному индикатору коррупционного оборота в Сахалинской области. Поэтому в плоскости только правоохранительной статистики (при учете КП в объеме не менее 140 тыс. руб. за 2016 г.) ДКР должна составлять 16 %.

Как видно из расчетов, разница между исчислениями, проводимыми по заданию антикоррупционных институтов Сахалинской области, и вычислениями правоохранительных институтов составляет порядка 14 %, что скрывает реальный уровень коррупции

в анализируемом субъекте Российской Федерации.

Прежде всего, следует констатировать тот факт, что доля правоохранительного сегмента в выявлении и пресечении коррупции значительно превышает влияние превентивных инструментов воздействия. Во многом такое положение детерминировано институциональными особенностями, сложившимися во всех субъектах Российской Федерации. У правоохранительных органов значительно больше полномочий и возможностей в сравнении с институтами антикоррупционного контроля, которые относительно недавно были сформированы на региональном уровне.

Вместе с тем даже в установленных судами объемах коррупционного ущерба можно выделить потери региональной экономики в общем и бюджетной сферы в частности, которые произошли из-за дефектов реализации антикоррупционного контроля.

В связи с этим необходимо указать на такой фактор, как невозможность установления конечного коррупционного ущерба инструментами контроля. Превентивное воздействие заключается в минимизации либо в полном устранении факта коррупции в будущем [18]. Лишь с помощью некоторых видов антикоррупционного контроля удастся определить реальные суммы экономических потерь региона (прежде всего, в последующей и ретроспективной антикоррупционной верификации). Примечательно, что при наличии соответствующего ущерба речь идет уже не о превенции, а о необходимости пресечения криминальных действий, т. е. о постреакционном противодействии коррупции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то обстоятельство, что приведенные методики расчетов предназначены для выявления общих показателей в области противодействия коррупции в регионе, они вполне гармонируют с результатами проводимого антикоррупционного контроля. Однако для разграничения индикаторов необходимо установить, в какой степени контрольные мероприятия повлияли на устранение коррупционных рисков и в каком объеме защита экономической безопасности проводилась постреакционными мерами.

Отчасти барьеры в определении индикаторов экономической безопасности методами антикоррупционного контроля обусловлены не только институциональными особенностями российских регионов, но и слабым развитием инструментов подсчета. Выявление экономических интересов в реализации должностных полномочий и осуществлении пред-

принимательской деятельности, аффилированной с публичными служащими, практически не получило своего воплощения в региональной антикоррупционной практике, что делает перспективными дальнейшие научные исследования данного вопроса и выработку методологических подходов к его решению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жужома М. Ю. Экономический механизм противодействия коррупции как угрозе финансовой безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 23 с.
2. Морозова Н. О. Социально-экономический анализ коррупции в регионе : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. 16 с.
3. Наумов Ю. Г. Теория и методология противодействия институциональной коррупции : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2014. 49 с.
4. Нуштаев И. В. Организационно-экономический инструментарий противодействия теневой экономике и коррупции : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Тамбов, 2012. 24 с.
5. Орехов С. А. Организационно-управленческий механизм борьбы с коррупцией как условие обеспечения экономической безопасности страны : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. 26 с.
6. Rose-Ackerman S. Corruption: A study in political economy. Academic Press, 2013. 258 p.
7. Gardberg N. A., Sampath V., Rahman N. Corruption and Corporate Reputation: The Paradox of Buffering and Suffering // Academy of Management Proceedings. 2012. Vol. 2012. No. 1. P. 1–1.
8. Важенина И., Важенин С., Ющук В. Деловая репутация как нематериальное конкурентное преимущество компании // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 12. С. 107–115.
9. Злыднев М. И., Гарин А. В., Гарина Ю. Е., Ниязова Ю. М. Эволюция стандартов деловой репутации и их применение в госзакупках // Экономические и гуманитарные науки. 2020. № 1 (336). С. 84–92.
10. Кудрявцев Д. И., Андросенко Н. В., Янченко А. Ю. Формирование системы поддержки деловой репутации // Экономика и управление. 2019. № 1 (159). С. 16–25.
11. Колесник В. В., Абасова В. А. Деловая репутация и стили ведения бизнеса // Вестник современных исследований. 2019. № 3.14 (30). С. 38–41.
12. Collins J. D., Uhlenbruck K., Rodriguez P. Why Firms Engage in Corruption: A Top Management Perspective // Journal of Business Ethics. 2009. Vol. 87, No. 1. P. 89–108.
13. Koch H., Peters U., Koch K. et al. How a Low-Margin Business Cocreated Analytics Value through an Innovation Partnership // MIS Quarterly Executive. 2019. Vol. 18. No. 3.

REFERENCES

1. Zhuzhoma M. Yu. Ekonomicheskii mekhanizm protivodeistviia korruptsii kak ugroze finansovoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii : Extended abstract of Cand. Sci. Dissertation (Economics). Moscow, 2008. 23 p. (In Russian).
2. Morozova N. O. Sotsialno-ekonomicheskii analiz korruptsii v regione : Extended abstract of Cand. Sci. Dissertation (Economics). Moscow, 2007. 16 p. (In Russian).
3. Naumov Yu. G. Teoriia i metodologiia protivodeistviia institutsionalnoi korruptsii : Extended abstract of Cand. Sci. Dissertation (Economics). Moscow, 2014. 49 p. (In Russian).
4. Nushtaev I. V. Organizatsionno-ekonomicheskii instrumentarii protivodeistviia tenevoi ekonomike i korruptsii : Extended abstract of Cand. Sci. Dissertation (Economics). Tambov, 2012. 24 p. (In Russian).
5. Orekhov S. A. Organizatsionno-upravlencheskii mekhanizm borby s korruptsiei kak uslovie obespecheniia ekonomicheskoi bezopasnosti strany : Extended abstract of Cand. Sci. Dissertation (Economics). Moscow, 2005. 26 p. (In Russian).
6. Rose-Ackerman S. Corruption: A study in political economy. Academic Press, 2013. 258 p.
7. Gardberg N. A., Sampath V., Rahman N. Corruption and Corporate Reputation: The Paradox of Buffering and Suffering // Academy of Management Proceedings. 2012. Vol. 2012. No. 1. P. 1–1.
8. Vazhenina I., Vazhenin S., Yushchuk V. Business Reputation as an Intangible Competitive Advantage of a Company // Problems of Management Theory and Practice. 2018. No. 12. P. 107–115. (In Russian).
9. Zlydnev M. I., Garin A. V., Garina Yu. E., Niyazova Yu. M. Evolution of Business Reputation Standards and Their Application in Public Procurement // Economic and Humanitarian Sciences. 2020. No. 1 (336). P. 84–92. (In Russian).
10. Kudryavtsev D. I., Androsenko N. V., Yanchenko A. Yu. Formation of a Business Reputation Support System // Economics and Management. 2019. No. 1 (159). P. 16–25. (In Russian).
11. Kolesnik V. V., Abasova V. A. Business Reputation and Business Styles // Bulletin of Modern Research. 2019. No. 3.14 (30). P. 38–41. (In Russian).
12. Collins J. D., Uhlenbruck K., Rodriguez P. Why Firms Engage in Corruption: A Top Management Perspective // Journal of Business Ethics. 2009. Vol. 87, No. 1. P. 89–108.

14. Коррупция пускает корни вверх: взятки и мошенничество казанских чиновников. URL: <https://inkazan.ru/> (дата обращения: 02.02.2021).
15. Богатиков А. А. Методологические экономические основы антикоррупционных воздействий на рынке слияний и поглощений. Реципрокность рейдерства и коррупции. М. : Экон-Информ, 2011. 242 с.
16. Шумилова О. Е. Коррупционный рынок Тульского региона: состояние и специфика // Известия Тул. гос. ун-та. Гуманитар. науки. 2008. № 2. С. 113–123.
17. Отчет по результатам проведения социологического исследования для оценки уровня коррупции в Сахалинской области в 2019 году. URL: <https://sakhalin.gov.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).
18. Karanina E., Loginov D., Alekseev S. Sustainable development and economic security of the region // XII International Scientific Conference on Agricultural Machinery Industry 10–13 September 2019, Don State Technical University, Russian Federation, 2019, Vol. 403. P. 012152.
13. Koch H., Peters U., Koch K. et al. How a Low-Margin Business Cocreated Analytics Value through an Innovation Partnership // MIS Quarterly Executive. 2019. Vol. 18. No. 3.
14. Korruptsiia puskaet korni vverkh: vziatki i moshennichestvo kazanskikh chinovnikov. URL: <https://inkazan.ru/> (accessed: 02.02.2021). (In Russian).
15. Bogatikov A. A. Metodologicheskie ekonomicheskie osnovy antikorrupsionnykh vozdeistvii na rynke sliianii i pogloshchenii. Retsiproknost reiderstva i korruptsii. Moscow : Ekon-Inform, 2011. 242 p. (In Russian).
16. Shumilova O. E. Corruption Market of the Tula Region: State and Specificity // Bulletin of the Tula State University. Humanitarian Sciences. 2008. No. 2. P. 113–123. (In Russian).
17. Otchet po rezultatsam provedeniia sotsiologicheskogo issledovaniia dlia otsenki urovnia korruptsii v Sakhalinskoj oblasti v 2019 godu. URL: <https://sakhalin.gov.ru/> (accessed: 10.03.2021). (In Russian).
18. Karanina E., Loginov D., Alekseev S. Sustainable development and economic security of the region // XII International Scientific Conference on Agricultural Machinery Industry 10–13 September 2019, Don State Technical University, Russian Federation, 2019, Vol. 403 P. 012152.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеев Сергей Львович – кандидат педагогических наук, доцент, профессор, Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса, Казань, Россия.
E-mail: tany_1313@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey L. Aleksseev – Candidate of Sciences (Education), Docent, Professor, Tatar Institute of Retraining Personals of Agribusiness, Kazan, Russia.
E-mail: tany_1313@mail.ru